

«Извините, пожалуйста, я жив»

130 лет назад решением Александра II на Сахалине официально была утверждена каторга. В апреле же исполнилось 135 лет со дня рождения одного из тех, кто гневно осуждал каторгу и обличал ее порядки, — Власа Михайловича ДОРОШЕВИЧА.

Влас Михайлович Доросевич родился 5 (17) апреля 1864 года в Москве. Трагично начиналась его жизнь. Мать бросила шестимесячного сына в дешевой московской гостинице. Его усыновил бездетный владелец этой гостиницы Михаил Доросевич. Через десять лет мать одумалась и с помощью суда вернула мальчика. Однако отношения с ней так и не наладились. В 16 лет, не закончив гимназии, не получив даже среднего образования, Доросевич ушел из дома. Ни в каких учебных заведениях он больше не учился. Был землекопом, грузчиком, корректором в газете, актером.

В 1881 году его приняли, как теперь принято говорить, в творческий штат одной из московских газет. После того Доросевич сменил несколько редакций. Одно время вместе с А. П. Чеховым он работал в сатирическом журнале «Будильник», позже сотрудничал в газетах Одессы, Петербурга. К 90-м годам благодаря исключительному трудолюбию, настойчивости, постепенно оттачивая свое перо, он становится известным и популярным журналистом в читающей России. О его работоспособности говорит такой пример.

В течение одного только 1901 года, редактируя газету «Русское слово», он опубликовал в ней 52 воскресных фельетона, а также

множество статей по проблемам общественной жизни. В них он остроумно и едко высмеивал тупоумие, алчность царских администраторов, лицемерие

рым проблемам времени, будили общественное мнение. Не случайно в то время о нем утвердилось мнение как о «короле фельетона».

В феврале 1897 года Доросевич отправился в поездку на далекий Сахалин. Можно предположить, что интерес Доросевича к нему пробудился под влиянием уже вышедшей книги А. П. Чехова. Но в отличие от Чехова Доросевич предпочел морской путь на остров — из Одессы, на пароходе «Ярославль» вместе с очередной партией каторжан.

В своей малоизвестной книге «Как я попал на Сахалин» Доросевич рассказывает о том, сколько ему пришлось преодолеть препятствий, чтобы попасть на остров. Во Владивостоке, например, он даже пытался притвориться «бродягой, не помнящим родства». За бродяжничество тогда полагалось полтора года каторжных работ на Сахалине. Писатель хотел даже такой ценой увидеть все собственными глазами, а затем, заявив о своем подлинном имени, выйти на свободу.

Как бы то ни было, но 16 апреля 1897 года Доросевич прибыл в пост Корсаковский. Здешнее тюремное начальство вначале отнеслось к Доросевичу доброжелательно, но узнав, что губернатор острова генерал Мерказин не дает ему разрешения на осмотр острова, по-

требовало от него убраться из поста...

На том же «Ярославле» после частичной разгрузки в посту Корсаковском Доросевич выехал в Александровск. Здесь Мерказин даже запретил ему ночевать на берегу. Однако настойчивость Доросевича все же победила. В конце концов генерал-губернатор Приамурья Духовской разрешил ему осмотр ост-

рова и каторги. На Сахалине писатель намеревался пробыть два месяца, но пробыл три с половиной. Им руководило стремление «схитяться» с каторгой, узнать ее как можно глубже. Результатом пребывания его на острове явилась книга «Сахалин», которой он для нас и интересен.

Книга включает в себя две части — «Каторга» и «Преступники». В первой характеризуются учреждения каторги, ее быт, нравы. Во второй — ярко изображены типы каторжан. Писатель скрупулезно исследует весь уклад каторги. Издевки, надругательства над человеческим достоинством, страшные физические истязания, голод, болезни, грязь — такова суть Сахалина того времени. Книга написана сочным, образным языком.

«Достоверные рассказы о страшном положении каторжан, об этом острове смерти буквально потрясли читающую публику», — писал один из критиков вскоре после выхода книги в свет. В этом произведении Доросевича не пресловутая уголовная экзотика, как считают некоторые. Автор ищет в ней социальные истоки каторги, стремится постигнуть природу преступления, анализирует не только состояние каторги и тюрем, но и жизнь правящих кругов, показывает, как развращает людей безмерная, бесконтрольная власть, вся атмосфера каторжного Сахалина. «Полное бесправие, царящее на острове, населенном людьми, лишенными всех прав, — пишет Доросевич, — развращает не только управляемых, но и управляющих».

Очерки Доросевича о Сахалине, опубликованные в газетах «Одесский листок» и «Россия», а затем его книга «Сахалин» получили положительную оценку многих читателей и критики. По-другому реагировало на выход книги царское правительство. Несмотря на сравнительно небольшой для того времени тираж издания — 5000 экземпляров, книга «Сахалин» была изъята из публичных библиотек и читален, запрещена к продаже. Она настолько верно изобразила порядки, существовавшие на Сахалине, что один из смотрителей Дуйской тюрьмы, Ливин, возбудил в суде дело по обвинению автора «в клевете в печати». Судебный процесс длился четыре года. Суд оправдал Доросевича.

Судьба Сахалина продолжала волновать Доросевича всю жизнь. Он думал о том, как преобразовать этот суровый, но богатый полезными ископаемыми остров. В частности, он один из первых в России в 1902 году высказал мысль о необходимости превратить Сахалин из острова в полуостров путем строительства соединительного перешей-

ка в районе мыса Погиби. Писатель не раз возвращался к этой идее, призывая «дать исход естественным богатствам острова Сахалина».

Известно, что Доросевича считали писателем, стоящим вне всяких партий. Действительно, ни в каких партиях он никогда не состоял, но человеком аполитичным не был.

Нельзя не сказать о Доросевиче периода Октябрьской революции и гражданской войны. Вихрями того времени он оказался заброшенным сначала в Харьков, а затем в Севастополь. После вполне обеспеченной жизни голодал, перебивался случайными заработками, упорно отказываясь от соблазна и предложенной эмигрировать. «Русский писатель имеет цену только до тех пор, пока ноги его стоят на русской земле», — говорил он. Не стал Доросевич сотрудничать и в белогвардейских изданиях. Известно его высказывание на этот счет: «Я не хочу портить своего некролога».

Даже в тяжелые дни гражданской войны Доросевич не утратил чувства юмора. В октябре 1920 года журнал «Вестник литературы», введенный в заблуждение распространенными слухами, опубликовал некролог на смерть Доросевича. Он узнал об этом примерно через год. И в том же журнале так опроверг распространенные слухи: «С теллым чувством прочел я в «Вестнике литературы» свой некролог. В нем все правда, за исключением одной фразы: я не умер... Извините, пожалуйста, я жив».

Но жить ему оставалось недолго.

После освобождения Крыма от врангелевцев он заявил о своем «полном присоединении к Советской власти». И в мае 1921 года больной, обнищавший, вернулся в Петроград. Написал несколько публицистических, обличительных статей-памфлетов о зверствах белых в гражданской войне, о вырождении царской династии. 23 февраля 1922 года В. М. Доросевича не стало.

Талант Доросевича высоко ценили Толстой, Чехов, Горький, Короленко.

Доросевич был не только фельетонистом. Он был талантливым литератором, публицистом, театральным критиком, редактором общезвестной русской газеты. Его творчество не тускнеет. Однако в нынешние времена он издается очень редко. А жаль...

Для всех, кто интересуется прошлым острова, хочет объективнее оценить его сегодняшний день, книги В. М. Доросевича «Сахалин» и «Как я попал на Сахалин» не потеряли значения до сих пор.

В. ПОДПЕЧНИКОВ.

Пост Хабаровский

Владивосток

многих либеральных деятелей, бюрократические порядки в учреждениях. Его фельетонами зачитывались все — от министров до прачек. Они привлекали внимание общества к большому и ост-